

Виктор Пелевин

Бубен Верхнего мира

ФТМ

Виктор Олегович Пелевин
Бубен Верхнего мира
Серия «Рассказы Виктора Пелевина»
Серия «Ника», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138113
Македонская критика французской мысли: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-4467-0276-3*

Виктор Олегович Пелевин

Бубен верхнего мира

Войдя в тамбур, милиционер мельком глянул на Таню и Машу, перевел взгляд в угол и удивленно уставился на сидящую там женщину.

Женщина и вправду выглядела дико. По ее монголоидному лицу, похожему на загибающийся по краям трехдневный блин из столовой, нельзя было ничего сказать о ее возрасте – тем более что глаза женщины были скрыты кожаными ленточками и бисерными нитями. Несмотря на теплую погоду, на голове у нее была меховая шапка, по которой проходили три широких кожаных полосы – одна охватывала лоб и затылок, и с нее на лицо, плечи и грудь свисали тесемки с привязанными к ним медными человечками, бубенцами и бляшками, а две других скрещивались на макушке, где была укреплена грубо сделанная металлическая птица, задравшая вверх длинную перекрученную шею.

Одега женщина была в широкую самотканую рубаху с тонкими полосами оленьего меха, расшитую кожаной тесьмой, блестящими пластинками и большим количеством маленьких колокольчиков, издававших при каждом толчке вагона довольно приятный мелодичный звон. Кроме этого, к ее рубахе было прикреплено множество мелких предметов непонятного назначения – железные зазубренные стрелки,

два ордена «Знак Почета», кусочки жести с выбитыми на них лицами без ртов, а с правого плеча на георгиевской ленте свисали два длинных ржавых гвоздя. В руках женщина держала продолговатый кожаный бубен, тоже украшенный множеством колокольчиков, а край другого бубна торчал из вместительной теннисной сумки, на которой она сидела.

– Документы, – подвел итог милиционер.

Женщина никак не отреагировала на его слова.

– Она со мной едет, – вмешалась Таня. – А документов у нее нет. И по-русски она не понимает.

Таня говорила устало, как человек, которому по несколько раз в день приходится повторять одно и то же.

– Что значит документов нет?

– А зачем пожилая женщина должна возить с собой документы? У нее все бумаги в Москве, в Министерстве культуры. Она здесь с фольклорным ансамблем.

– Почему вид такой? – спросил милиционер.

– Национальный костюм, – ответила Таня. – Она почетный оленевод. Ордена имеет. Вон, видите – справа от колокольчика.

– Тут вам не тундра. Это называется нарушение общественного порядка.

– Какого порядка? – повысила голос Таня. – Вы что охраняете? Лужи эти в тамбурах? Или их вон?

Она кивнула в сторону двери, из-за которой летели пьяные крики.

– В вагоне сидеть страшно, а вы, вместо того чтобы порядок навести, у старухи документы проверяете.

Милиционер с сомнением посмотрел на ту, кого Таня назвала старухой, – она тихо сидела в углу тамбура, покачиваясь вместе с вагоном, и не обращала никакого внимания на скандал по ее поводу. Несмотря на странный вид, ее небольшая фигурка излучала такой покой и умиротворение, что, с минуту поглядев на нее, лейтенант смягчился, улыбнулся чему-то далекому, и машинальные фрикции его левого кулака вдоль висящей на поясе дубинки затихли.

– Зовут-то как? – спросил он.

– Тыймы, – ответила Таня.

– Ладно, – сказал милиционер, толкая вбок тяжелую дверь вагона. – Смотрите только...

Дверь за ним закрылась, и летевшие из вагона вопли стали чуть тише. Электричка затормозила, и перед девушками на несколько сырых секунд возникла бугристая асфальтовая платформа, за которой стояли приземистые здания со множеством труб разной высоты и диаметра; некоторые из них слабо дымили.

– Станция Крематово, – сказал из динамика бесстрастный женский голос, когда двери захлопнулись, – следующая станция – Сорок третий километр.

– Наша? – спросила Таня.

Маша кивнула и посмотрела на Тыймы, которая все так же безучастно сидела в углу.

– Давно она у тебя? – спросила она.
– Третий год, – ответила Таня.
– Тяжело с ней?
– Да нет, – сказала Таня, – она тихая. Вот так же и сидит все время на кухне. Телевизор смотрит.
– А гулять не ходит?
– Не, – сказала Таня, – не ходит. На балконе спит иногда.
– А самой ей тяжело? В смысле в городе жить?
– Сперва тяжело было, – сказала Таня, – а потом пообвыкалась. Сначала все в бубен била по ночам, с невидимым кем-то дралась. У нас в центре духов много. Теперь они ей вроде как служат. На плечо эти два гвоздя повесила, вон видишь? Всех победила. Только во время салюта до сих пор в ванной прячется.

Платформа «Сорок третий километр» вполне соответствовала своему названию. Обычно возле железнодорожных станций бывают хоть какие-то поселения людей, а здесь не было ничего, кроме кирпичной избушки кассы, и увязать это место можно было только с расстоянием до Москвы. Сразу за ограждением начинался лес и тянулся насколько хватал глаз – даже неясно было, откуда на платформе взялось несколько потертых пассажиров.

Маша, сгибаясь под тяжестью сумки, пошла вперед. Следом, с такой же сумкой на плече, пошла Таня, а последней поплелась Тыймы, позвякивая своими колокольчиками

и поднимая подол рубахи, когда надо было перешагнуть через лужу. На ногах у нее были синие китайские кеды, а на голеньях – широкие кожаные чулки, расшитые бисером. Несколько раз обернувшись, Маша заметила, что к левому чулку Тыймы пришит круглый циферблат от будильника, а к правому – болтающееся на унитазной цепочке копыто, которое почти волочилось по земле.

– Слышь, Тань, – тихо спросила она, – а что это у нее за копыто?

– Для Нижнего Мира, – сказала Таня. – Там все грязью покрыто. Это чтоб не увязнуть.

Маша хотела было спросить про циферблат, но передумала.

От платформы в лес вела хорошая асфальтовая дорога, вдоль которой росли два ровных ряда старых берез. Но через триста или четыреста метров всякий порядок в расположении деревьев пропал, потом незаметно сошел на нет асфальт, и под ногами зачавкала мокрая грязь.

Маша подумала, что жил когда-то на свете начальник, который велел проложить через лес асфальтовую дорогу, но потом выяснилось, что она никуда не ведет, и про нее забыли. Грустно было Маше глядеть на это, и собственная жизнь, начатая двадцать пять лет назад неведомой волей, вдруг показалась ей такой же точно дорогой – сначала прямой и ровной, обсаженной ровными рядами простых истин,

а потом забытой неизвестным начальством и превратившейся в непонятно куда ведущую кривую тропу.

Впереди мелькнула привязанная к ветке березы белая тесемка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.